РОССИЙСКИЕ КАТОЛИКИ И ПРОТЕСТАНТЫ НА «КАНОНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: поиск modus vivendi

В России самой массовой религией является христианство, поэтому естественно, что отношения между последователями его различных направлений во многом определяют общую картину религиозной жизни в стране, оказывают ощутимое влияние на духовно-нравственную и отчасти общественно-политическую атмосферу в российском обществе.

Дать однозначную оценку современного состояния отношений между последователями различных христианских конфессий невозможно. Во-первых, участниками этих отношений являются представители более двух десятков различающихся по самым различным параметрам церквей, деноминаций, религиозных сообществ. Наряду с такими крупными церквами, как Русская Православная Церковь (РПЦ), Католическая Церковь, Лютеранские церкви, неопротестантские союзы Евангельских христиан-баптистов, Христиан веры евангельской, Адвентистов седьмого дня, существуют относительно малочисленные, но активно развивающиеся объединения (например, реформаты, Новоапостольская церковь, Церковь Иисуса Христа святых последних дней и др.). Если же исходить из *социальной значимости* отношений, складывающихся между конфессиями, то очевидно, что интерес представляют прежде всего взаимоотношения между православными и католиками, а также между православными и неопротестантами (баптистами, пятидесятниками, адвентистами). При этом ведущая роль в этих отношениях принадлежит РПЦ как религиозному институту и ее приверженцам. Они задают основные векторы межхристианских отношений, определяют их интенсивность и характер. Во-вторых, в рамках одной и той же конфессии отношение к *другим* может существенно различаться у ее официальных представителей, религиозных служителей (духовенства) и рядовых верующих.

На официальном уровне, в отношениях между представителями конфессиональных духовно-административных центров, преобладают политкорректность и здравый прагматизм. В «Основных принципах отношения Русской Православной Церкви к инославию», официальном документе, принятом в 2000 г. Архиерейским собором, в п. 6.1 говорится, что ее «связи с инославными христианскими общинами на ее канонической территории в странах СНГ и Балтии должны осуществляться в духе братского сотрудничества… в целях координа-

ции деятельности в общественной жизни, совместного отстаивания христианских нравственных ценностей, служения общественному согласию, прекращения прозелитизма…». Об этом же неоднократно заявлял и Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, в частности на Архиерейском соборе 2004 г.: «Перемены, произошедшие за последние годы, побуждают Русскую Православную Церковь к тесному взаимодействию со всеми благонамеренными христианскими сообществами. В сотрудничестве с христианами иных конфессий мы призваны отстаивать наши общие интересы перед лицом секулярного общества, вести диалог по важнейшим проблемам современности, содействовать урегулированию различных конфликтов, защищать права верующих, налаживать совместную работу для помощи нуждающимся и обездоленным»[1].

Отношения Московского Патриархата и Ватикана за непродолжительный период понтификата Бенедикта XVI обрели позитивную динамику. Предметом оживленного диалога становятся актуальные для Европы и всего мира проблемы безопасности, свободы и достоинства человека, сохранения христианских ценностей в секулярной духовной среде и т.д. Обстоятельный диалог представителей Русской Православной и Римо-католической Церквей состоялся на организованной Папским советом по культуре и ОВЦС международной конференции «Дать душу Европе. Миссия и ответственность Церквей» в мае 2006 г. в Вене. В итоговом документе конференции, в частности, отмечалось: «Нас объединяет не только религиозное, историческое и культурное наследие, но и одинаковый взгляд на то, как должна устраиваться современная общественная и личная жизнь. Мы считаем, что европейская цивилизация нуждается в защите и развитии человеческой свободы и достоинства. В то же время мы не представляем себе благополучное развитие Европы без существования прочной, но гибкой системы воспитания нравственно ответственной личности»[2]. Представители католического духовенства в России, в свою очередь, высказывают поддержку РПЦ в ее стремлении расширить свое участие и усилить свое влияние в различных сферах общественной жизни внутри страны.

Протестанты со своей стороны заявляют о «решимости способствовать преодолению всякого рода отчуждения и вражды между людьми, в том числе на религиозной почве», о готовности к совместным действиям, направленным на защиту религиозной свободы,

[1] Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // Журнал Московской Патриархии. 2004. № 10.

[2] Интерфакс-религия. 06. 05. 2006 г.

социальное служение, к обсуждению проблем семьи, здоровья людей, образования и др.[3]

На уровне приходского духовенства, пресвитеров, епархиальных архиереев хотя и существуют отдельные контакты и взаимодействие[4], однако преобладают все же взаимная отчужденность и недоверие. Приходское духовенство, епархиальные архиереи, исходя из своих узкоконфесиональных забот и интересов, как правило, уклоняются от прямых контактов с представителями иных христианских вероисповеданий. Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий (Капалин), например, считает, что любые контакты с инославными должны осуществляться прежде всего на уровне руководства Московской Патриархии: «Сама епархия не обязана налаживать отношения с другими религиозными организациями и не намерена поддерживать социальные инициативы протестантских церквей и иных религиозных объединений, как бы громко ни назывались и ни звучали эти социальные проекты»[5], – заявил руководитель Тобольской епархии в одном из своих интервью.

Что касается рядовой массы верующих, а также тех, кто лишь идентифицирует себя с тем или иным вероисповеданием, то, к сожалению, развернутой и достоверной картины их отношения к последователям «не своей» веры мы не имеем. Социологические исследования, даже специально посвященные вопросам религиозности, данной темы касаются очень редко. В связи с этим обратимся к тем материалам, которые могут послужить косвенным источником информации. Так, согласно данным фонда «Общественное мнение», полученным в результате опроса населения 16–17.06.2001 г., о своем отрицательном отношении к католикам заявили 8% респондентов (о положительном – 31%). Ровно два года спустя, в июне 2003 г., в ходе исследования, проведенного ВЦИОМ, 15% опрошенных высказали мнение, что православные и католики мирно уживаться в нашей стране не смогут (смогут – 74%)

---

[3] Социальная позиция протестантских церквей России. Гл. 6. М., 2003. С. 21, 22.

[4] Например, в октябре 2007 г. во Владимире прошла совместная конференция православного и католического духовенства, посвященная российским новомученикам и исповедникам (www.newsru.com/relidy/12oct2007); в апреле 2008 г. в Воронеже – семинар по оздоровлению межконфессиональных отношений с участием последователей православия, католичества, баптизма и других конфессий; в мае 2006 г. в Нижегородской духовной семинарии состоялся православно-протестантский «круглый стол» с участием преподавателей Нижегородской и Московской духовных семинарий, богословов церквей Адвентистов седьмого дня и Евангельских христиан-баптистов. Цель встречи, как пояснил проректор семинарии протоиерей Александр Мякинин, «не в том, чтобы кого-то победить, показать свою силу… Для нас было важно трезво, спокойно обсудить разделяющие нас пункты вероучения, рассмотреть и показать, как Православная Церковь рассматривает те или иные вопросы экклесиологии и других разделов богословия».

[5] Портал-Credo.Ru, 11.11.2005 г.

(Мониторинг общественного мнения. Июнь 2003 г.). Исследования, проводившиеся российско-финляндской группой социологов в течение 15 лет (1991–2005 гг.), зафиксировали рост отрицательного отношения, в частности, к баптизму с 45% в 1996 г. до 53% в 2005 г. За тот же период отрицательное отношение к православию сократилось с 4 до 1%[6]. В конфессиональной группе православных, опрошенных ВЦИОМ в ноябре 2006 г., «врагами православия» считали: приверженцев других ветвей христианства – 2%, представителей нехристианских религий – 5, «сектантов» – 26, а также оккультистов, последователей магии, астрологов – 9, атеистов – 4%. Четверть опрошенных (24%) никого не назвали в качестве врагов православия[7].

К сожалению, эти данные, полученные разными исследовательскими коллективами, не позволяют судить о реальной степени межконфессиональной толерантности/нетолерантности на массовом обыденном уровне, о его динамике. Единственное, что можно сказать определенно, – преобладает терпимое отношение к инаковерующим, хотя и негативные настроения имеют место.

Наибольшее влияние на содержание, степень активности и характер межконфессиональных отношений оказывают, как это не может не показаться неожиданным, представители среднего слоя – приходское духовенство, пасторы, монашествующие, конфессионально и политически активные миряне, а также представители региональных управленческих структур религиозных организаций (например, епархий). С одной стороны, в силу своей близости к рядовым верующим, они имеют возможность формировать их отношение к последователям иных религий и конфессий и мобилизовать значительную массу людей на соответствующие действия. С другой стороны, высшее руководство религиозных организаций, вырабатывая свою тактику в межконфессиональных отношениях, не может не учитывать настроения и ведущие тенденции в среде основной части кадрового состава религиозных деятелей, находящегося в непосредственном и повседневном общении с верующими.

Какие же факторы и как влияют на развитие диалога и практического взаимодействия христианских церквей и религиозных объединений в настоящее время в России?

Во-первых, постоянно действующим фактором является то, что при единстве базового источника вероучений, каковым является Библия, и вере в Иисуса Христа как Богочеловека и Спасителя их разде-

[6] *Фурман Д.Е., Каариайнен К.* Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века // Христианская газета. 2007. №1(100). С. 19.

[7] ВЦИОМ. Опрос 25–26.11.2006 г.

ляют – в большей или меньшей степени – различия в догматических постулатах, богослужебно-культовой практике, в нормах организации религиозной жизни. Другим фактором, сказывающимся на отношениях между последователями различных христианских конфессий, является их «историческая память», зачастую обремененная взаимным отчуждением и предрассудками в отношении друг к другу. Однако ни вероисповедные различия, ни «историческая память» сами по себе не определяют современное состояние и тенденции развития межхристианских отношений. В одних условиях они могут обретать негативную актуальность, в других – отходят на второй и третий план.

Сегодня основным раздражающим фактором в межхристианских отношениях является *проблема прозелитизма*. Надо сказать, что представители практически всех христианских конфессий признают прозелитизм неприемлемым в принципе. Однако это единодушие прекращается, когда возникает вопрос, что же именно следует понимать как акты прозелитизма. С точки зрения католиков и протестантов, прозелитизм – это прямое воздействие на человека с целью склонить его к отказу от своей веры и церкви в пользу другого исповедания, в том числе прибегая к различным способам морально-психологического давления, обману и подкупу. С точки зрения РПЦ, такое понимание прозелитической деятельности справедливо, но недостаточно. Представители Церкви свое толкование прозелитизма связывают с идеей «канонической территории» Московского Патриархата, в качестве каковой рассматриваются территории исконного проживания восточнославянского населения, а также других, в прошлом обращенных в православие народов Российской империи. На этой территории, как определено в «Основных принципах отношения РПЦ к инославию», за инославными христианами признается «право на свидетельство и религиозное образование (т.е. на миссионерскую деятельность. – *Ю.З.*) среди групп населения, традиционно к ним принадлежащих» (п. 6.3), – и только. То есть Церковь выступает за возвращение к порядку, существовавшему в царской России, когда миссионерская деятельность инославных законодательно ограничивалась пределами их общин.

Ватикан и представители католической иерархии в России хотя и считают, что понятие «каноническая территория» имеет значение только в рамках *одной конфессии*[8] и «не может использоваться применительно к межконфессиональным отношениям»[9], но вместе с тем

[8] Например, на одной территории неправомерно присутствие православных епископов, принадлежащих разным юрисдикциям.

[9] *Ковалевский И.* Страсти между Москвой и Ватиканом утихают // НГ-Религии. 04.02.2004 г. С. 3.

демонстрируют стремление в максимально возможной для степени учитывать данную позицию руководства РПЦ.

В подготовленном еще в 1992 г. папской комиссией «Pro Russia» документе католическое духовенство обязывалось согласовывать свои действия с епископатом РПЦ, информировать обо всех важных пастырских инициативах, в особенности об учреждении новых приходов, необходимых для духовного окормления католических общин, уже существующих на местах[10]. Архиепископ Тадеуш Кондрусевич, возглавлявший до августа 2007 г. одну из католических епархий в России, в одном из своих выступлений сказал: «Россия – это прежде всего православная страна, и именно Русская Православная Церковь несет основную ответственность за процесс обращения. Прозелитизм абсолютно неприемлем и не может быть стратегией развития наших структур ни в России, ни в других странах мира»[11].

Однако следует иметь в виду некоторые обстоятельства, которые еще в течение какого-то времени могут провоцировать напряженность православно-католических отношений. Во-первых, католические клирики в России считают своим долгом распространять пастырское попечение не только на практикующих католиков, но и на тех, кто, принадлежа к национальности, традиционно связанной с католичеством (поляки, литовцы, немцы и др.), в отсутствие католических храмов и духовенства посещал Православную Церковь, крестил в ней детей, причащался и т.д. Сегодня они покидают Православную Церковь и «возвращаются к корням». Понятно, что разрешить данную ситуацию с точки зрения правоты/неправоты взаимных претензий католиков и православных чрезвычайно сложно, особенно если эти «латентные католики» родились в национально смешанном браке, обрусели, были крещены в Православной Церкви. Но и оживление национально-религиозного чувства нельзя недооценивать – даже если оно произошло не без влияния католического священника. Во-вторых, выход Католической Церкви в России за пределы своей традиционной этнонациональной среды объективен. Это связано как с наличием национально смешанных семей, так и с тем, что большинство нынешних «прирожденных» католиков утратили свой национальный язык (не говоря уж о латыни) и языком богослужения для них может быть только русский. Использование же русского языка в богослужебной

[10] См.: Общие принципы и практические нормы координации евангелизаторской деятельности и экуменические обязательства Католической церкви в России и других странах СНГ. Раздел II: Практические указания. Пункт 3 // Православие и Католичество: от конфронтации к диалогу: Хрестоматия. М., 2005. С. 508; см. также: НГ-Религии. 02.10.02.

[11] Благовест-инфо. 18.05.2007.

практике Католической Церкви делает ее открытой для окружающего русскоязычного населения, что повышает ее миссионерский потенциал. Имея в виду все отмеченные обстоятельства, можно полагать, что потенциальная паства Католической Церкви в России составляет примерно 500–600 тыс. человек[12].

Что касается православно-протестантских отношений в современной России, то прежде всего необходимо отметить их возрастающее значение в общей структуре межконфессиональных отношений. Это объясняется неуклонным увеличением числа его последователей (в настоящее время их насчитывается до 1,5 млн человек)[13], ростом их социальной активности и общественных амбиций, а также межденоменационной консолидацией наиболее крупных протестантских союзов. Это нашло свое выражение, в частности, в образовании в 2002 г. Консультативного совета глав протестантских церквей России[14], а также в разработке и принятии в 2003 г. совместного документа – «Социальная позиция протестантских церквей России». Все это свидетельствует о том, что протестанты динамично перемещаются с периферии духовной и социальной жизни российского общества к ее активному центру, становятся и уже стали полноценными субъектами межконфессиональных отношений в нашей стране.

В православно-протестантских отношениях проблема прозелитизма является камнем преткновения – едва ли не большим, чем в православно-католических. В отличие от католиков, для протестантов в их миссионерской деятельности не существует *ни национальных, ни вероисповедных границ*. Подлинная же проблема, в их понимании, заключается в том, что современный верующий на постсоветском пространстве в массе своей –язычник, религиозность которого сводится лишь к внешней набожности, проявляющейся в более или менее регулярном участии в церковных ритуалах. Само же православие в силу многовековой тесной связи с государственной властью чрезмерно идеологизировано.

В различии подхода православия и протестантизма к проблеме прозелитизма сказываются их типологические особенности, специфика их цивилизационной природы.

---

[12] См.: *Овсиенко Ф.Г.* Католицизм. М., 2005. С. 300; Современная религиозная жизнь России. М., 2004. Т. I. С. 320.

[13] См.: История религий в России. М., 2001. С. 582; Современная религиозная жизнь России. М., 2003. Т. II; *Иваненко С.* Протестанты в современной России // Пределы светскости. М., 2005. С. 204–205.

[14] В его состав вошли лидеры Российского союза церквей ЕХБ, Евро-Азиатского отделения Церкви христиан АСД, Российского союза ХВЕ (пятидесятников), Российского объединенного союза ХВЕ (пятидесятников).

Православие – продукт так называемой традиционной (патриархальной) культуры, основывающейся на приоритете *общинной солидарности*. Протестантизм генетически связан с ценностями Нового времени, прежде всего с принципом *индивидуально-личностной свободы*.

В православном церковном сознании человек принадлежит Церкви уже по самому факту его крещения, причем совершаемого обычно в младенчестве. В силу этого он неотъемлемая ее часть. По словам одного из православных иерархов, Церковь «несет ответственность за каждого крещенного в православии человека и перед Богом, и перед обществом». Эту мысль развивает его собрат: «Мы никак не можем одобрить их отпадение от нашей Церкви и переход в другие Церкви и религиозные объединения»[15].

Идея общинной солидарности восходит к мировоззренческому принципу неразделенности, нерасчленности «тварного бытия» как его идеального состояния. По словам протоиерея Всеволода Чаплина, «поликонфессиональность, многопартийность, разделение властей, конкуренция, управляемые конфликты… для православного христианина суть лишь признаки греховного разделения народа и человечества, симптомы духовного нездоровья»[16].

В протестантизме конфессиональная принадлежность человека – результат его осознанного и ответственного выбора, что закрепляется в акте водного крещения в его взрослом возрасте. В «Основах социального учения Церкви христиан АСД в России», например, мы читаем: «Никакие узы, кроме веры и личного убеждения, не должны удерживать человека в церковном членстве. Если изменение убеждений приводит члена нашей Церкви к мысли о том, что вера и деятельность Адвентистов Седьмого Дня более не соответствует его взглядам, мы признаем не только его право, но и ответственность изменить религиозную принадлежность в соответствии со своими убеждениями, не подвергая его при этом унижению и оскорблению»[17].

Разумеется, обстоятельства повседневной жизни сложнее деклараций и заявлений. Адвентисты, естественно, не могут «одобрить» изменение конфессионального выбора члена своей церкви, а православные – удерживать такого человека в своей среде, используя какие-либо

---

15 Из приветственного слова митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на семинаре представителей РПЦ и Российского союза ЕХБ 15 апреля 2004 г. (см.: *Чаплин В., прот.* Надо устранять совместные обиды друг на друга // Христианские известия. 2004. № 5 (18). С. 2).

16 *Хаустов Дм.* Всякое разделение – плод человеческой греховности, считает протоиерей Всеволод Чаплин // НГ-Религии. 18.06.2008.

17 Основы социального учения Церкви христиан адвентистов седьмого дня в России. Разд. XII. 3. С. 186–187.

средства давления на него. Однако истина кроется *в акцентах*. Православные делают ударение на *корпоративной солидарности и целостности института*, протестанты – на *персональной свободе и ответственности человека*. В православной общине отношения между верующими имеют преимущественно *вертикальную* направленность: от пасомого – к пастырю, в протестантской, из-за отсутствия в ней разделения на клириков и мирян, – преимущественно *горизонтальную*, т.е. между членами общины.

Таким образом, проблема прозелитизма являлась в течение 90-х гг. XX – 1-го десятилетия XXI в. основной болевой точкой межхристианских отношений. Однако представляется, что ее острота будет постепенно ослабевать. Во-первых, уже сегодня основная часть населения России сделала свой мировоззренческий, в том числе вероисповедный, выбор. Социологические исследования фиксируют постепенное сокращение среди населения доли тех, кто колеблется в определении своей мировоззренческой позиции. Отошел в прошлое миссионерский ажиотаж, когда выступления проповедников собирали тысячные аудитории. Во-вторых, религиозно-просветительная деятельность РПЦ и других религиозных организаций способствует формированию у их приверженцев более осознанных и прочных убеждений, что сообщает им необходимую устойчивость к внешним влияниям.

Вместе с тем в последние годы на передний план выступает иной аспект межконфессиональных отношений – *религиозно-национальный*.

Представители современной РПЦ, придавая особую важность национальному компоненту в религиозной жизни, не считают возможным вести миссионерскую работу среди народов, для которых исторически традиционными являются иные религии – ислам, буддизм и т.д. Патриарх Алексий II во время встречи с представителями мусульманского духовенства в Астрахани 23 октября 1992 г. сказал: «Каждый народ должен вернуться к его собственным историческим корням: русский – к православным, татарский – к исламским»[18]. Столь уважительное отношение к духовным традициям различных национальностей – лишь оборотная сторона и мера значимости для РПЦ ее национально-религиозного достояния.

Представители Церкви настаивают на том, что только православие способно обеспечить национальное и духовное спасение русского народа, нарастание же конфессионального разнообразия в стране влечет за собой размывание его коренных духовных устоев, угрожает целостности его национального самосознания и культурной иден-

[18] *Комаров Е.* Патриарх. М., 1994. С. 43.

тичности[19]. Важно отметить, что подобные заявления в полной мере отвечают умонастроениям церковных и околоцерковных кругов национально-патриотической ориентации – разной степени радикализма. В этой среде распространено настороженное, а порой и негативное отношение к последователям иных христианских конфессий, имеющих, как правило, зарубежное происхождение.

Сегодня, к сожалению, конфессиональная граница между православными, с одной стороны, и последователями иных христианских исповеданий – с другой, служит для политизированной их части знаком и политического разделения. Если православно ориентированные политики, как правило, исповедуют идеи державности, самобытности пути социально-экономического развития России и опоры на собственные силы, то протестанты (и в значительной степени католики) ориентируются на демократические нормы организации общественно-политической жизни и экономической деятельности, связывают будущее страны с включением ее в общемировое политическое, экономическое и культурное пространство. В связи с этим под сомнение (порой под подозрение) ставится патриотизм католиков – в массе своей людей нерусских (поляки, литовцы, немцы), как и патриотизм протестантов – в своем преобладающем большинстве этнических русских, но «изменивших вере отцов». Что касается протестантов, то к тому есть и другие причины.

Христиане практически всех конфессий признают два Отечества: одно – земное, в нашей временной жизни, другое – небесное, куда каждому предстоит «вернуться» для вечной жизни. Если небесное Отечество, с точки зрения всех христиан, обладает абсолютной ценностью, то значимость земной родины в понимании различных конфессий различна.

Православие земному Отечеству придает весьма высокую ценность. В нем земная родина и Церковь выступают в некоем двуединстве, сакрализованным выражением чего в средневековой России являлась идея «святой Руси». И сегодня православие для его последователей один из основных, определяющих компонентов, составляющих понятие Отечества, оно питает их патриотические чувства.

Протестантизму (и протестантам) не свойственна подобная сакрализация понятий земной родины и патриотизма. Поскольку христианство всечеловечно, Христос – Бог и Спаситель всех людей, у него не может быть каких-то «особых» отношений с тем или иным наро-

[19] См.: Доклад архиеп. Евгения (Решетникова) на Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ 2000 г. С. 9.

дом. Поэтому их патриотизм не питается религиозным чувством, не мотивирован религиозной верой. Их патриотизм – добродетель не религиозная, а гражданская.

Специфика понимания православными и протестантами земного Отечества и патриотизма находит выражение и в характерных акцентах их поведения. У православных весьма существенным является момент идейно-эмоциональный – гордость за историю и культуру своей страны, сознание необходимости сохранить ее традиции. У протестантов такое понимание патриотизма почти не звучит. В их социальных концепциях, разработанных в начале 2000-х гг., тема патриотизма приглушена. Патриотизм протестантов в большей мере носит практический характер, он проявляется в сознании своего долга творить добро здесь и сейчас, тем, кто тебя окружает, в готовности содействовать экономическому развитию страны, росту благосостояния народа и т.д.

Свойственные протестантам дух космополитизма, неразвитость патриотической риторики, эмиграционные настроения, разумеется, не способствуют преодолению негативного отношения к ним со стороны православных патриотов.

Однако протестанты хотя и исповедуют принцип «религиозного космополитизма», но вовсе не склонны соглашаться с утверждением, что именно вследствие этого протестантизм в России – явление национально чуждое, не укорененное в его истории и духовной жизни. Его истоки они находят в еретических движениях XIV–XV вв., в движении духовных христиан (молокан и духоборов), возникшем в XVIII в.

Вместе с тем в последние годы все заметнее становится стремление к усилению национально-культурной ориентированности российского протестантизма. В печатных работах и проповедях протестантских богословов и пасторов нередко можно встретить обращения к творчеству Вл. Соловьева, Н. Лосского, митрополита Антония (Блума), епископа Феофана Затворника и других представителей русской религиозно-философской мысли. В некоторых протестантских церквах обсуждается вопрос о том, как в богослужении учесть особенности менталитета соотечественников, т.е. преодолеть довление проповеди, обращенной к рассудку человека, как его эмоционально наполнить, в том числе за счет элементов обрядового действия. То есть речь идет о том, чтобы русский протестантизм обрел свое национальное лицо[20].

[20] В апреле 2002 г. в Заокской духовной академии Церкви АСД состоялась конференция на тему: «Протестантское богослужение: проблемы и перспективы» с участием представителей ряда протестантских, а также православных церквей. В одном из докладов, прочитанных на конференции, говорилось: «Семя Божественного Слова должно проникнуть из разума в сердце… Для этого нужно продумать соответствующий чин богослужения,

Таков общий контекст, в котором сегодня существуют межконфессиональные отношения в России.

Как можно их оценить? Если исходить из желаемого и *должного*, т.е. критериев толерантности, диалога и партнерства, то можно сказать, что христианские церкви в России делают на этом пути лишь первые шаги. Если же соотносить их с опытом *прошлого*, когда переход из православия в другое христианское исповедание квалифицировался как *отпадение* с соответствующими гражданско-правовыми последствиями, а *обличительное богословие* являлось официальным языком Православной Церкви применительно к инославию, то становится очевидной позитивная динамика этих отношений. Поэтому в данной оценке, чтобы она была объективной, важно избежать односторонности, необходимо современное состояние межхристианских (как и межрелигиозных) отношений рассматривать как момент в их историческом движении из прошлого в будущее.

Являются ли межконфессиональные отношения в современной России фактором ее устойчивого развития? В определенной степени да, но вместе с тем они составляют и его проблему.

© Зуев Ю.П.

придать значение форме, например храмовому пространству и эстетике, музыке и росписи, и все это должно быть *библейски обусловлено* (выделено мной. – *Ю.З.*) (без произвола и вкусовых амбиций)» (см.: Протестантское богослужение: проблемы и перспективы. Вып. I. Заокское. 2002. С. 53–54).